

КАМЕНЬ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА

Для изучения народных верований и обрядов Древней Руси, причудливо сочетающих в себе христианские и языческие элементы, большой интерес представляет одна группа источников, незаслуженно обойденная вниманием исследователей. Это многочисленные церковные реликвии, связанные, по преданию, с теми или иными святыми православной церкви и бывшие в течение столетий предметом религиозного почитания. Особого внимания заслуживают объекты, не принадлежащие к числу традиционных христианских святынь (мощей, церковной утвари, облачений). К числу таких объектов принадлежит камень, который легенда связывает с именем Антония Римлянина, основателя Новгородского Антониева монастыря.

Камень Антония Римлянина лежит в западном притворе собора Рождества Богородицы Антониева монастыря, справа от входа в собор. Он представляет собой серый валун, овальный в плане, длиной 126 и шириной 94 см. Высота камня 37 см, нижняя его поверхность плоская, верхняя — немного выпуклая. Судя по рассказам новгородских старожилов, до Великой Отечественной войны камень лежал несколько южнее, дальше от дверей, и был повернут плоской стороной вверх.

История камня подробно отражена в письменных источниках. К их числу относится прежде всего житие Антония, составленное, вероятно, в 90-х гг. XV в.¹ Другой памятник, посвященный Антонию Римлянину, — Слово похвальное на пречестную память преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина», написанное в 1558 г. Вероятным автором его является игумен Хутынского монастыря Маркел.² К этому же кругу принадлежит рассказ

¹ Ярко выраженная аптлантийская направленность жития сближает его с некоторыми сочинениями конца XV—начала XVI в., в частности с «Повестью о новгородском Белом Клубуке». С этой повестью житие объединено и сюжетной близостью. Н. Н. Розов и Л. В. Черепнин связывают возникновение повести с кружком архиепископа Геннадия (Розов Н. Н. Повесть о новгородском Белом Клубуке как памятник общерусской публицистики XV века. — ТОДРЛ, 1953, т. IX, с. 199—205; Черепнин Л. В. К вопросу о русской публицистике конца XV в. — ТОДРЛ, 1969, т. XXIV, с. 151—154). Я. С. Лурье полагает, что повесть возникла не ранее середины XVI в. (Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960, с. 230—234).

² Памятник не издан, цитируется по списку второй половины XVI в. (ГИМ, Музейное собр., № 1236). При упоминании епископа Никиты автор «Слова» указывает: «...ныне в лета и во дни наша обретены быша честныи и многочудесныи мощи его» (там же, л. 89). Мощи Никиты были обретенны 30 апреля 1558 г. Под тем же годом в Новгородской Второй летописи упоминаются следующие события: «Месяца октября 28 в четверток игумен Спасско Маркел Хутынского монастыря оставя игуменство

«О предложении честного и многочисленного тела», дополненный рассказами о посмертных чудесах Антония, происходивших в конце XVI в. Он составлен монахом Антониева монастыря Нифонтом, одним из инициаторов открытия мощей Антония.³ Цикл интересующих нас памятников завершается рассказами о посмертных чудесах Антония, происходивших в 50—70-х гг. XVII в.⁴

Согласно житию, Антоний—уроженец Рима. Постригшись в монахи, он после начала гонений на последователей греческого православия вынужден был поселиться на берегу моря, «только на камени ноши и дни беспрестанно стоя и моляся Богу». Однажды на море разыгралась буря, «абие внезапно едица волна напригнися и подъят камень, на нем же преподобный стояше и песе его на камени яко бы на корабли легце...». Спустя двое суток «приста камень, на нем же преподобный стоя и моляшеся при брезе великие реки, нарицаемой Волхова». От купца-грека Антоний узнал, что попал в Новгород. О своем путешествии он рассказал епископу Никите, и тот «поеха... ко преподобному Антонию видети камень сий и место». По совету Никиты Антоний основал монастырь на берегу Волхова.⁵

Антоний упоминает в летописи под 1117 и 1147 гг.⁶ Первые известия о почитании камня относятся к гораздо более позднему времени — середине XVI в.

Согласно «Слову похвальному», «Камень же он, на нем же из Рима святой в Великий Новград приплы лежаше ту на брегу реки Волхова под монастырем многа лета видим всеми на небрегом». Игумен Вениамин решил перенести камень в Рождественский собор, «и взят той лежачи камень с великой честию не бездушну каменю честь воздавая, на стоявшему на нем преподобному Антонию и тако воодружен быс в стену церковную из вниуж ныне нами зрим есть». На камне красками написали изображение Антония, держащего в руках модель Рождественского собора.⁷ Перенесение камня было произведено в царствование Ивана Грозного, т. е. не раньше 1547 г., но не позже 1552 г., поскольку в этом году игуменом в монастыре был уже не Вениамин, а Варлаам Царица.

жил в Оплтопове монастыри 6 месяц при игумене Варламе при Антоновском при Царици. Да сотвори Маркел житие Никите епископу Новгородскому и капуи» (ПСРЛ. М., 1965, т. 30, с. 183). Можно предположить, что Маркел является и автором «Слова похвального», написанного в том же году в том же монастыре.

³ Памятник не издад. Цитируется по спискам начала XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 199; собр. Вострякова, № 1053).

⁴ Памятник не издад. Цитируется по списку конца XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 199).

⁵ Повесть об Антонии Римляине. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. М., 1860, вып. 2, с. 263—268.

⁶ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 20, 27.

⁷ ГИМ, Музейное собр., № 1236, л. 99—100.

Следующие по времени известия о камне содержатся в рассказе «О преложении тела». Здесь описывается ряд чудесных исцелений, предшествовавших открытию мощей Антония. Первое из них — исцеление игумена Кирилла, отравленного ядом, последовавшее после молитвы Богоматери и Антонию. Спасенный от смерти игумен «прииде к камени, на нем же преподобный принесен бысть из великого града Рима по водам... и зряще на него с великим удивлением... по удивлении видяще на нем образ написан и той сокрушен бысть от дождя, понеже не покровен бяше». Кирилл «возгради над ним гробницу и украси ю велми лепо всеми и възда ему честь велию, не бездушну каменю честь въздая, по стоящему на нем преподобному и богоспосному оцу нашему Антонию чудотворцу и повеле на нем написати образ как бе и прежде и пречистую владычицу нашу Богородицу еже на руку Христа держит да преподобного Антония чудотворца образ имея же на руце вообразен единуе церковь Богоматери... Игумен же и братия по вся дни приходаху и покланяхуся. Людие же града того такожде клапяхуся».⁸ Вскоре после этого происходит исцеление бесноватого Федора-свечника: «Тои же болной вошед во гробницу к камению... и пад пред ним на землю и бысть безгласен аки мертв лежа. Прииде к нему преподобный и глаголя ему сице: востани, чадо и приложися к камению моему, и абие воста и приложися к камени и изыдоша беси от него и бысть здрав».⁹ Вслед за этим последовали исцеления «от тростей морских... иже на камени принесены по водам». «Трости Антония» — ветки морской травы — помогали от зубной боли. Исцеления дали монахам основание для ходатайства об открытии мощей Антония. Открытие мощей в 1597 г. вызвало новую волну исцелений. Чудеса происходили «ово у гроба преподобного... ово у камени на нем же святой несен бысть по водам... ово от тростей морских».¹⁰

Игуменство Кирилла продолжалось с 1580 по 1594 г. В этот период произошли два первых исцеления. Остальные исцеления у камня происходили в 1597—1598 гг. (после открытия мощей, но до завершения работы над рассказом «О преложении тела»).

Изображение «гробницы», сооруженной над камнем, — небольшой постройки, примыкающей к собору с запада, есть на двух иконах Антония Римлянина, относящихся ко второй половине — концу XVI в.¹¹

В описи Новгорода 1617 г. отмечено, что «у тое ж болшие церкви Рождества пречистые Богородицы у западных дверей пределец каменный, а в придельце стоит камень, на котором камени Антоней чудотворец приплыл из Риму в Великий Новгород. А на камени написан образ Спасов до пречистые Богородицы в облаце

⁸ ГИМ, собр. Хлудова, № 199, л. 31—32 об.

⁹ Там же, л. 32 об.—33.

¹⁰ Там же, л. 81 об.

¹¹ Антонова В. И., Мневя Н. Е. Каталог древнерусской живописи. М., 1963, т. II, с. 28, 200, № 369, 611.

да молящей Антоней Римлянин на краске». ¹² Сходные сведения приводятся в «Описании Новгородской святыни», составленном в 1634 г. для царицы Евдокии Лукьяновны. ¹³ Павел Алеппский, посетивший Новгород в 1655 г., побывал в Антониевом монастыре, отметил приверженность новгородцев к культу этого святого и упомянул о камне в числе других реликвий монастыря. «Приложившись к его (Антония. — *Н. М.*) святым мощам, мы вышли за церковь, куда выходит задняя сторона его могилы, и вошли в келию, где находится тот самый камень, на котором святой прибыл из Рима. При виде его приходишь в трепет и, стоя над ним, проливаешь слезы. Он похож на маленькую лодку, округло-продолговатую, нижняя сторона его закруглена, как у настоящей лодки, а верхняя — расширена. На камне образ святого, к коему мы приложились». ¹⁴

Исцеления у камня продолжались во второй половине XVII в. В 1666 г. Февропия Иванова, страдавшая «исступлением ума», исцелилась, после того как муж «привлече ю к чудотворцу камению». В 1675 г. у камня исцелился Иоанн, сын Василия Филиппова Поезжаева, страдавший от той же болезни «... У чудотворца камня на молитве много время поставляху его. И внезапно у того же чудотворца камня стоя на молитве и прииде тои Иоанн в память свою и нача взирати на образ чудотворцев иже на камени написан и люди познавати и, глаголати и переменися от тое лютые болезни и быс здрав». В 1678 г. после молебна у мощей и у камня Антония произошло чудесное выздоровление Симеона, сына Трофима Павлова, на которого перед этим «напало забвение и родителей непознание». В том же году «демон напал» на священника Савватия, постриженника Антониева монастыря. Во время литургии в Рождественском соборе Савватий, «укрепился и держащиеся руками за гроб преподобного Антония ово за камень его и молящиеся преподобному с великим покаянием, избавился от беса». ¹⁵

Обстоятельное описание камня относится к 1696 г.: «Да подле каменные паперти предел, а в нем камень, на котором камени приплы Антоний Чюдотворец из Рима в Великий Новгород, а на камени писано на золоте образ пречистые Богородицы с превечным младенцем во облаце, а перед ним в молении преподобный Антоний Римлянин. Перед тем образом, что написан на камени, шандап медной о дву свещах. И тот камень и пречистые Богородицы и чюдотворца венцы обложены, оклад басманной золочен и круг камня в предел писано стенным письмом». ¹⁶

¹² ЦГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), оп. 1, 1617 г., д. 7, л. 197. — Описание любезно указана мне В. Л. Яниным.

¹³ Описание Новгородской святыни в 1634 году. — ЧОИДР. М., 1862, кн. 4, с. 54—55

¹⁴ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. М., 1898, с. 75—76.

¹⁵ ГИМ, собр. Хлудова, № 199, л. 91—101 об.

¹⁶ Опись Антониева монастыря за 1696 год. — Труды XV Археол. съезда. М., 1914, т. I, с. 271.

Традиция, связывающая камень с именем Антония, существовала и позже. В летописце Николо-Дворищенского собора под 1745 г. сообщается о погребении архиепископа Амвросия «в Антонове монастыре в паперти противу камня преподобного Антония Римлянина, на котором он из Рима в Новъград приплыл». ¹⁷ М. Толстой и А. А. Муравьев, упоминая о камне в числе других достопримечательностей монастыря, ничего не сообщают об изображении Антония, написанном на камне и о «пределе». ¹⁸ Вероятно, в XIX в. ни того, ни другого уже не существовало.

Таким образом, в течение долгого времени камень Антония официально почитался как церковная реликвия. Прежде чем пытаться искать истоки этого культа и аналогии ему, следует заметить, что мотив путешествия на камне является, видимо, книжным. Судя по форме и размерам, камень мог служить корабельным балластом. Последнее обстоятельство давало основание для рождения рассказа о «чудесном путешествии». Разнообразные варианты подобных путешествий хорошо представлены в средневековой литературе, в том числе агиографической. Но легенда о камне и почитание камня имеют разное происхождение. Будучи уникальным объектом в кругу русских церковных реликвий, камень Антония находит многочисленные аналогии среди священных камней, почитавшихся у восточных славян в XIX—начале XX в. Материалы, собранные этнографами и краеведами, фиксируют почитание камней преимущественно в северных губерниях России: Псковской, Новгородской, Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Ярославской, Костромской, а также в Минской и Тульской. ¹⁹

Обычно культовые камни представляют собой необработанные валуны, часто больших размеров и причудливой формы, лежащие

¹⁷ Новгородские летописи. СПб., 1878, с. 467.

¹⁸ *Муравьев А. П.* Путешествие по святым местам России. СПб., 1881, ч. 1, с. 45; *Толстой М.* Указатель Великого Новгорода с приложением новгородского месяцеслова. М., 1862, с. 15.

¹⁹ *Аничков И. В.* Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. М., 1915, с. 15; *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда. — Странник, 1916, № 3—4, с. 635; *Даль В. И.* О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880, с. 57; *Иеуступов А. Д.* Народная медицина в Кадниковском уезде. — Изв. АОИРС, 1912, № 15, с. 682; *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вильна, 1891, вып. IV, с. 18; *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837, вып. 1, с. 165; *Соколовы Ю. и Б. М.* Живая старина в Белозерском крае. — Труды Предварительного комитета по подготовке XV Археол. съезда. СПб., 1911, т. 1, с. 10; *Порфиридов Н. Г.* Камни с изображениями и знаками. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1940, вып. 7, с. 116; *Троицкий Н. И.* Следы язычества на пространстве между верховьями рек Оки и Дона. — В кн.: Памятная книжка Тульской губернии за 1893 г. Тула, 1892, с. 9—11; *Трусман Ю.* Полуверцы Псково-Печерского края. — Странник, 1890, № 1, с. 41—42; *Ушаков Ф. А.* Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии. [Б. м., б. г.], с. 14, 19, 23; *Якушкин Е. И.* Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде. — ТЯГСК. Ярославль, 1868, вып. V, с. 161; *Ялчук П. А.* По Минской губернии. — Труды этнограф. отдела ОЛЕАЭ. М., 1889, кн. IX, вып. 1, с. 72—74. —

на берегах озер, рек или около источников. Иногда у камней росли деревья — сосны, ели, березы, также считавшиеся священными. В этих местах ставили кресты, реже строили часовни. Среди камней выделяется прежде всего группа с овальными углублениями, имевшими названия «следа», «пята» или «лапы». По народным представлениям, след являлся отпечатком ноги Иисуса Христа, Богоматери или какого-нибудь святого. Кроме следовиков, почитанием пользовались чашечные камни, имевшие одно или несколько полусферических или конических углублений. В ряде случаев объектом почитания служили камни, ни форма, ни поверхность которых не были ничем примечательны. Большинству камней приписывали целительную силу; воду, собирающуюся в углублениях, считали целебной и использовали для питья и омовений. У камней устраивали коллективные молебны. В качестве приношений на камни клали хлеб, ягоды, деньги, воск, лен, овечью шерсть. Степень «святости» камней была неодинаковой: некоторые из них являлись лишь топографическими ориентирами, с которыми были связаны местные предания. О целительных свойствах других камней было известно небольшой округе. Наконец, существовали камни, на поклонение которым люди приходили за десятки верст. Как объекты культа священные камни, описанные этнографами, и камень Антония имеют много общего. Отметим наиболее существенные параллели.

Во-первых, это представление о сверхъестественных свойствах камней и их способности исцелять, исцеления нередко совершались в соответствии с законами контактной магии: больные целовали камень, прикасались к нему руками и т. д. В благодарность за исцеление у камня служили молебны, а сам камень украсали.

Во-вторых, в устной традиции с большинством священных камней оказываются связаны легенды о христианских святых. В Белозерье это Кирилл Белозерский, на Каргонолье — Александр Ошевенский, в Устюге — Прокопий Устюжский, на Псковщине — Всеволод Гавриил. Многие камни находятся рядом с известными монастырями, куда приходили тысячи богомольцев.

Наконец, «пределу», сооруженному над Антониевым камнем, соответствуют часовни, воздвигавшиеся над священными камнями. О повсеместном распространении этого обычая в Белоруссии писал Е. Р. Романов.²⁰ В Игуменском уезде Минской губернии над камнем «со следом Богоматери» была построена церковь.²¹ В Островском уезде Псковской губернии часовня была построена над камнем с «отпечатками пальцев руки князя Все-

Одному из следовиков Новгородской области посвящена отдельная статья А. А. Формозова. См.: *Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики.* — СЭ, 1965, № 5, с. 130—139.

²⁰ Романов Е. Р. Белорусский сборник, с. 18.

²¹ Янчук Н. А. По Минской губернии, с. 72—74.

волода Гавриила».²² На Каргополье автором был обследован культовый камень, лежавший на паперти ныне не существующей часовни.

Глубокий архаизм культа священных камней, известных по материалам восточнославянской этнографии, не вызывает сомнений. Из этого, конечно, не следует делать выводы о том, что почитание каждого камня началось до принятия христианства. Очевидно лишь, что культ камней сложился на Руси намного раньше, чем культ христианских святых, и почитание Антониева камня отразило в какой-то мере древние языческие верования.

Но за пределами Руси среди христианских реликвий Палестины и Византии известно довольно большое число камней, почитавшихся подобно Антониеву камню. По преданию, они считались связанными с теми или иными ветхозаветными или евангельскими эпизодами или с отдельными событиями из жизни святых. Эти реликвии были многократно описаны авторами хождений в «святую землю», в том числе русскими. В константинопольском храме Апостолов паломникам показывали камень святого Петра, «на нем же плакася горько о отвержении»,²³ а в Софийском соборе камень «иже подложен был под главу святого Иоанна Богослова во гробе его».²⁴ В церкви на Сионской горе престол был сделан из камня, «что лежал на гробе господнем».²⁵ На той же Сионской горе паломники могли видеть камень, «на котором пречистая Богородица поклоны клала, тамо же в той церкви²⁶ два камня, на которых Христос сживал часто». Интересно сообщение игумена Даниила о 12 камнях, которые хранятся в монастыре св. Михаила вблизи Иерихона. По преданию, они были взяты израильтянами со дна Иордана, когда воды его раступились перед Иисусом Навином.²⁷ Предание соответствует библейскому тексту, согласно которому Иисус Навин повелел взять со дна Иордана 12 камней в память о чудесном переходе. Над камнем, лежавшим на Елеонской горе, с которого, по преданию, Христос вознесся на небо, была сооружена особая часовня, или

²² Окулич-Казарина И. Материалы для археологической карты Псковской губернии. — ТПАО. Псков, 1914, вып. 10, с. 210—211.

²³ ПСРЛ. М., 1965, т. XI—XII, с. 99. — Об этом же камне упоминают Антоний Новгородский и Игнатий Смолянин. См.: Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце двенадцатого столетия. СПб., 1872, с. 108—109; Хождения Игнатия Смолянина. — ППС. СПб., 1897, т. IV, вып. 12, с. 8.

²⁴ Путешествие новгородского архиепископа. . ., с. 157.

²⁵ Хождение Игнатия Смолянина, с. 23. — Об этом же камне упоминается у других авторов. См.: Хождение игумена Даниила. — В кн.: Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1980, с. 60; ПСРЛ, т. XI—XII, с. 107.

²⁶ Хождение Игнатия Смолянина, с. 25. — Упоминания об этом камне содержатся и в других сочинениях. См.: ПСРЛ, т. XI—XII; Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем месте. — ППС. СПб., 1896, т. IV, вып. 11, с. 15—16.

²⁷ Хождение игумена Даниила, с. 56.

сень,²⁸ что заставляет вспомнить аналогичные постройки, возведенные над культовыми камнями на Руси.

О константинопольских и палестинских реликвиях было хорошо известно на Руси, и допустимость их почитания никем не оспаривалась. Поэтому отношение русского духовенства к культуре камней в XVI—XVII вв. было двойственным. В тех случаях, когда этот культ носил откровенно языческий характер, камни подлежали уничтожению. Так, священник Илья, посланный архиепископом Макарием на окраины Новгородской земли, «шача искореняти прелести кумирские и скверные молбища: леса сечи и огню предавати, камене же чье в воду метати».²⁹ Борисоглебский монах Иринарх приказал «вринуть в яму» камень, которому поклонялись жители Переяславля-Залесского.³⁰

К камням, историю которых народные легенды связывали с именами местных святых, церковь относилась терпимо, а в некоторых случаях «поиски» таких реликвий могли поощряться. Этим и объясняется судьба Антониева камня, попавшего на паперть собора Рождества Богородицы.

²⁸ Там же, с. 48; Хождение Игнатия Смолянина, с. 20.

²⁹ ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 74.

³⁰ Житие преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря. СПб., 1909, с. 26.